

«крещение огнем», поставившее нас в ряды сеятелей правды, идеи свободы и прогресса, человечности и стремления к взаимопониманию. Задача была в том, чтобы наиболее сильно, наиболее действенно воплотить эти благородные идеи и намерения. На первых порах в нас и в наших произведениях было много пафоса, нередко и во вред убедительности, но это, пожалуй, было закономерно.

Стихи, написанные во время восстания, я сразу же после Освобождения пополнил новыми и в 1947 году издал в сборнике под названием «Костры на горах». К тематике восстания я возвращался и позднее, особенно в лирико-эпической поэме «Три воды» и в своей последней книге «Не погиб на коне», написанной к 30-летию Словацкого национального восстания.

— Весьма существенной составной частью вашей деятельности в области литературы является и то, что вы — председатель Союза словацких писателей. Как председатель и, разумеется, как художник, который на протяжении десятилетий вносит вклад в создание социалистической культуры, вы имеете возможность следить за развитием нашей современной словацкой литературы, всей нашей социалистической культуры. Что вы думаете о современной словацкой литературе, каковы ее возможности, ее недостатки и достоинства?

— Не считайте, что это продиктовано самоуспокоенностью председателя Союза или даже своего рода похвалой, если скажу, что размах нашей современной литературы нельзя сравнить ни с одним предшествующим периодом. Разумеется, не каждый день рождаются и созревают великие авторы. Однако и во времена порабощения у нас были Гнездослав Кукучин и Краско. А наша современная поэзия может гордиться именами Лацо Новомеского, Яна Костры, Павола Горова или Мирослава Валека. Новаторские критические произведения Александра Матушки также вышли за границы нашей литературы. И, к счастью, у него есть последователи (Станислав Шматлак и другие). Наша драматургия также переживает подъем. Лишь проза, как мне кажется, довольно долго готовится к тому, чтобы художественно адекватно отразить глубокие перемены нашей жизни. Жаль, что Владимир Минач не продолжил свою трилогию «Поколение». Но в литературу вступают новые авторы, произведения которых представляют большой интерес, как, например, Ян Ионаш, Петер Ярош и другие. Союз словацких писателей и все наше общество создают сегодня литератору такие условия для создания новых произведений, каких прежде у него никогда не было. Я убежден, что это даст желаемые результаты и спустя некоторое время появятся новые произведения, которые будут достойным художественным свидетельством нашей эпохи.

ФРАНЦИЯ: ПОЛИТИКА И ФАНТАСТИКА

СКВОЗЬ ПРИЗМУ ЛЕГЕНДЫ

Roger Bordier. Meeting. Paris, Editions Albin Michel, 1976.

Новый роман известного французского писателя Роже Бордые «Демонстрация» — произведение, весьма характерное для тех процессов, что развиваются теперь в прозе Франции. Сегодня, после периода формалистического экспериментаторства, французский роман поворачивается лицом к реализму, исследованию социальной действительности, все чаще пытается рисовать жизнь и борьбу народных масс.

Автор «Демонстрации» опубликовал в журнале «Эроп» статью, которая многое проясняет в замысле и проблематике его романа. Размышляя о диалектике взаимоотношений героя и народа в творчестве Андре Мальро, оказавшего заметное влияние на французскую литературу нашего века, Роже Бордые утверждает, что в книгах последнего — даже в известном романе «Надежда» о событиях в Испании 1936—1939 гг., — «отсутствует народ». По его мнению, народ в романах Мальро остается пассивным, не играет активной, ведущей роли в истории, являясь своего рода фоном, на котором показывается трагическая судьба героев-индивидуалистов. Именно в этом усматривает он разрыв Мальро с традициями Виктора Гюго, который видел в народе самостоятельную, деятельно-героическую силу истории и прогресса. Эти два подхода к решению проблемы народа и героя — позитивный или отрицательный — ориентируют, по мысли Бордые, французский роман в наши дни. «Литература так называемого «социального выражения», — отмечает он, — продолжает многих пугать. Вокруг нее образовался чудовищный заслон культурных предрассудков».

Роже Бордые стремится своим романом развеять эти укоренившиеся предрассудки и, говоря его словами из интервью еженедельнику «Франс нувель», «показать освободительную борьбу масс, борьбу рабочего класса, демократическую борьбу». Поэтому «Демонстрация» стала таким злободневным произведением, хотя в нем не найти никаких хронологических ориентиров и четкой топографии. Но необходимо снова прислушаться к авторскому голосу. «Моей целью, — заявил писатель в интервью газете «Юманите», — было сделать толпу персонажем романа и в то же время создать обобщенный образ молодой предводительницы народного восстания — Флоры. Этот образ становится зеркалом народного воображения, которое с присущей ему поэтичностью создает легенду на основе пережитой реальности».

СРЕДИ КНИГ

Главной реальностью романа Роже Бордье — этой лирической эпопеи, что, как река ручьи, вбирает множество самых разных проявлений протеста народных масс против несправедливости и бесчеловечности капиталистической действительности, является борьба. Отдельные эпизоды книги словно сошли со страниц газетной хроники, образуя своеобразную панораму борьбы трудящихся против произвола монополий и бесправия человека. Все персонажи романа — даже чуждые настроениям протеста — глубоко ощущают общее неблагополучие современного буржуазного общества, его враждебность прогрессу, подлинной демократии и гуманизму.

Крестьяне во главе с красавицей Флорой, вооружившись охотничьими ружьями, выступают в защиту своего кооператива от посягательств монополий и банков. Они мечтают о том дне, когда «восторжествует справедливость», когда они станут хозяевами земли и труд превратится в радость. Восставшие менее всего напоминают «мятежников», как их аттестует буржуазная пресса. Редут они себя независимо, с большим достоинством, чувствуя на своей стороне правду истории, правду будущего. Действия крестьян озарены светом высокого идеала. «Идеал, — говорит их предводительница Флора, — это самая будничная реальность, в которой бьются локоть к локтю и, если надо, до смерти для того, чтобы изменить порядок вещей». И хотя крестьянам не удастся одержать победу, кооператив их все-таки перестает существовать — основного они добиваются: осознают силу собственного единства в борьбе.

Пример крестьян воодушевляет соседний город, где докеры похищают директора портовых складов, требуя улучшить условия труда и повысить заработную плату. Даже местная богема, убежденная, что «искусство ничему не служит», с оружием в руках начинает пикетировать свой «Кисок» — здание в стиле «конца века», откуда их хотят вышвырнуть земельные спекулянты и построить на его месте дешевые доходные дома для рабочих-иммигрантов.

Однако в центре романа — грандиозная демонстрация, которую городские профсоюзы, руководимые стойким активистом Венсаном, организуют во время похорон погибшего при пожаре иммигрантских лачуг пакистанского ребенка. Она призвана явить силу рабочей солидарности, мощь «спонтанного братства» людей труда, показать их решимость в битве за справедливость и человеческое достоинство. Пестрая масса участников демонстрации и выступает «коллективным» героем книги.

В романе Роже Бордье точно схвачена одна очень характерная черта сегодняшнего этапа демократической борьбы во Франции. Прежде всего речь идет о настроениях, связанных с гошизмом сторонников «сиюминутной революции». Яркий, выхваченный прямо из гущи жизни образ семнадцатилетнего юноши Кристиана — большая удача писателя. Кристиан жаждет немедленной справедливости, «прямых

действий», он потрясен гибелью пакистанского ребенка, но ему еще неизвестны подлинные пути социальной борьбы. Участвуя в демонстрации, Кристиан приходит к сознанию, что не бесплодные тирады гошистов, а объединенные усилия борцов могут привести к победе. У него рождается убеждение, что «ключ к счастью» — не в индивидуализме, а «вопреки себе — в коллективе». Пылакий порыв Кристиана находит сочувствие и понимание у закаленного в борьбе профсоюзного активиста Венсана, который считает, что истина, правда истории — в учении В. И. Ленина.

Изобразить массу, что еще не доросла до сплоченного коллектива убежденных борцов, но уже осознала несправедливость и обреченность мира наживы, — это трудная творческая задача, для решения которой писатель привлек необычные художественные средства. Роман, в сущности, не имеет фабулы, персонажи его, не зная друг друга, объединяются только двумя моментами: отношением к Флоре и участием в демонстрации. Пестрые эпизоды «Демонстрации» складываются в случайную, будто в калейдоскопе, картину, причем зачастую они оказываются связанными не внутренними психологическими мотивировками, а прихотливыми поэтически ассоциациями.

Роман Роже Бордье и его художественный поиск привлекли внимание французской критики, вызвав довольно разноречивые оценки. «Персонажи Роже Бордье обычно неотделимы от экономического или социального движения нашего времени, — отмечала в газете «Монд» Жаклин Пятье. — «Демонстрация» — своеобразное продолжение той эпопеи мятежа, которая проходит через все творчество писателя и особенно ярко выражена в романе «Океан». Для того чтобы найти художественное воплощение темы современной социальной борьбы, Р. Бордье воссоздает слова и мысли множества персонажей, находящихся в разных точках действия, но объединенных единым порывом протеста». Однако правильно поняв замысел книги, Ж. Пятье утверждает, что писатель не сумел найти ему соответствующего эстетического воплощения, греша многословием и фрагментарностью.

Клод Бонифуа, в отличие от критика из «Монд», в еженедельнике «Нувель литерер» отмечает, что «искусная композиция романа переплетает сотню различных действий, в которых раскрываются взаимоотношения между личностью и обществом, индивидуальным и коллективным сознанием. Это — политическая, ангажированная книга». В статье, опубликованной в «Юманите» и красноречиво озаглавленной «Политическая поэма», Андре Вюрмсер пишет, что «книга Р. Бордье — это картина нашего времени, созданная поэтом нашего времени. Богатая ритмами, звучная и образная, «Демонстрация» написана истинным поэтом».

Спор о «Демонстрации» превратился по сути в дискуссию о том, какими путями

нынешний реалистический роман во Франции может воссоздать социальную борьбу масс, каким должен быть герой, стоящий во главе борющегося народа.

Бордье удалось создать впечатляющий образ народной предводительницы Флоры — поэтический и озаренный светом легенды, и он вырастает в своего рода яркий символ народного протеста. Роже Бордье попытался полемически противопоставить образ Флоры той антилегенде, которую разрабатывают буржуазные средства массовой информации, стараясь исказить подлинный смысл героической борьбы народа, свести его к броским, рекламнопропагандистским клише. Писатель показывает, как все перипетии крестьянского восстания сопровождаются комментариями радио, телевидения и газет, в которых в ложном свете изображается борьба трудящихся.

В конце романа есть выразительная сцена: диалог старого лесоруба и учительницы. «Она ждала любых вопросов, кроме следующего:

— Вы думаете, здесь будет революция?

Что ответить? Она предпочитает не распространяться:

— Да!

— Почему?

— Потому что земля вертится».

Весь роман проникнут этой верой в неизбежность революции и победу народных масс, которые в нашем веке стали главными героями истории. Писатель сообщил, что его роман — начало большого романтического цикла. Будем надеяться что Роже Бордье расскажет нам о дальнейшей судьбе своих героев и о том, как крепнут их силы в борьбе за будущее.

Л. ТОКАРЕВ

НЕПОДВИЖНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

Robert Merle. Madrapour. Paris, Editions du Seuil, 1976.

«**Н**е проходит недели без того, чтобы радио, телевидение и газеты не сообщили нам с обилием деталей о происшедшем где-нибудь очередном захвате заложников. Похищение детей, захват самолета. Этот новый вид преступлений приобретает характер подлинного бедствия нашей эпохи», — пишет Фабиан Грюнер в статье «Инфляция заложников», напечатанной во французском журнале «Сиянс э ви».

Бедствие это становится одновременно и золотой жилой для определенного рода литературы, где эксплуатируются главным образом острые моменты, которыми столь богаты подобного рода сюжеты. В центре таких книг — гангстеры. На разные лады в беллетризированной форме здесь преподносится вывод, сделанный французским психиатром Жаном Ляфоном: «Это преступление — для преступников умных, честолюбивых, умеющих хорошо организовать свои действия, достаточно уравнове-

шенных, чтобы точно рассчитать, выждать, не вдаваться в панику». Не берусь судить, известны ли гангстерам эти лестные для них умозаключения, но авторы детективных историй строго придерживаются такой «инструкции». Не трудно заметить однако, что зачастую они не уделяют почти никакого внимания жертвам.

И, может быть, одна из самых примечательных черт романа Робера Мерля «Мадрапур» как раз в том и состоит, что, положив в основу сюжет, грозящий стать банальным и в силу этого чуть ли не обреченным оставаться за пределами настоящей литературы, писатель создал книгу не столько о похитителях, сколько о похищенных — о тех, кто оказывается в роли заложников. И роль эта рассмотрена под особым углом зрения.

«Цена, придаваемая в наши дни человеческой жизни — по крайней мере в теории, — делает из угрозы убийства оружие почти неодолимое», — пишет Грюнер в своей статье. Роман Мерля — это своеобразный эксперимент, и его цель — выяснить, какими же реальными человеческими ценностями наполнены жизни, которые, оказавшись во власти похитителей, получают обычно оценку в денежном выражении: миллионы франков, марок, лир, долларов.

Когда речь идет о жизни в биологическом содержании этого термина, опыты могут ставиться *in vivo*, то есть в условиях обычной окружающей среды, и *in vitro* — «в стекле», в колбе, в пробирке, где изучаемое находится в относительно изолированном состоянии.

Такие хорошо известные романы Робера Мерля как «Остров», «Разумное животное», «Мальвиль» — это исследования *in vivo*, хотя в качестве объекта изучения всегда выступает довольно узкая группа людей, но она не утрачивает связи с окружающим миром и находится под его постоянным воздействием.

«Мадрапур» — опыт *in vitro*. На суперобложке романа мы видим большой современный самолет, высоко парящий над безжизненным горным пейзажем. Что же в нем происходит? Разобраться в этом — или во всяком случае войти в исходную ситуацию — помогает рисунок-схема, помещенный в начале второй главы. Его набросал для себя герой романа, от имени которого ведется повествование. На рисунке фюзеляж самолета в разрезе. Нечто, действительно очень похожее на пробирку, поскольку крылья отброшены. Туристский класс пустует. В салоне первого класса кресла расставлены необычным образом — в виде круга. Расположение кресел по окружности позволяет всем хорошо видеть друг друга. Это очень важно, ибо такое взаимное «рассматривание» и есть то, что можно было бы назвать действием в романе.

Сержиус, француз, переводчик в ООН, нарисовавший схему, знает пока о своих

СРЕДИ КНИГ